

«АБЕСАЛОМ и ЭТЕРИ»

Большое, удивительное искусство, огромное и незабываемое, демонстрирует Тбилисский театр оперы и балета. Каждая новая постановка воспринимает по-новому.

Показывая 9 января классическая опера композитора З. Палиашвили «Абесалом и Этери» вызвала такие овации зрительного зала, что можно только приветствовать постановление Всесоюзного комитета, по делам искусства о включении этой оперы в репертуар Большого театра. Аплодисментами зрители проголосовали свою оценку и произведений и исполнения. Остается только пожелать, чтобы постановка оперы в лучшем театре Союза была осуществлена на уровне такого же высокого мастерства, которого добился Тбилисский театр.

Даже музыковеды удивленно спрашивали друг друга: итальянскую оперу мы знаем, французскую изучаем, немецкую проштудировали, русскую любим особенно, а ведь оказывается, грузинская опера в ее лучших образах стоит на одном уровне с высочайшими музыкальными культурами мира.

Палиашвили и Верди, Палиашвили и Римский-Корсаков — это вовсе не случайное сопоставление, в настоящая

закономерность. Если с Верди грузинского мастера роנית глубина драматического действия, умение обобщать, типизировать индивидуальные черты героев — носителей больших настоящих чувств, то с Римским-Корсаковым Палиашвили имеет родственные черты в сказочной палитре своего оркестра, в любви к легкости, к декоративности, к поэтической прелесть песенного фольклора.

«Абесалом и Этери» — древнейшее сказание, овеянное легкими крыльями богатой восточной фантазии.

Абесалом и Этери — два полуса по своему положению в феодальном обществе. Царевич Абесалом и белая птичка спрятка Этери, собирающая сухой валежник для очага, случайно встречаются на лесном пригорке в типичной солнечного дня. Эту типичную разрывают резкие звуки охотничьих рогов. Появляются охотники с дуканами, колчанами, копьями. Блестят их уборы, кольчуги, сверкают племени. Воины-охотники стремительны в движениях, смелы, решительны. Но как показать на сцене отвагу, бешеную быстроту нападения? Режиссер (засл. деятель искусств Ш. Агсабадзе) останавливает движения. Стремительность — в застывшей позе вонна с поднятым коп-

ем. Охотник натянул тугую тетиву — стрела вот-вот сорвется и поразит сердце аверя, но, как изваяние, как античная скульптура, недвижимы охотник и его товарищ с мочом. В этих позах нет ничего фальшивого, они жизненны, как статуи Прагмателла. Так мудро разрешает режиссер задачу изображения динамики сцены охоты. Избегнув хаоса, сумятицы, он запечатлел в слухах, отрывистых штрихах типично-яркое.

Этери смущена встречей. Рядом с паревничем стоит и не сводит с нее взгляда Мурман, влюбив. Двое поглощены внезапной, молниеносно паравишей их сердца страстью. Опп — Абесалом — имеет все права и преимущества: он властелин. Другой — его слуга, блестящий визирь, владеющий не только золотом, но и хитростью, но обаянный почитать свою страсть влечением злата службы.

Абесалом и Мурман любят Этери каждый по-своему. Абесалом овладел сердцем Этери. Пыльное праздноство овладевает браж неравным по положению, но страстно любящих друг друга людей. Этери счастлива, Абесалом — повергнут блаженству. Но Мурман испытывает муки ада. Он должен, хотя бы путем страданий любимой, добиться

ее, овладеть ею, впитать ей такую же страсть в себе, как та, что сжигает его мужественное, по жестоко сердце. Добиться цели во что бы то ни стало! И Мурман злыми чарами губит Этери. Абесалом, чтобы спасти бесконечно любимую, отпускает ее с Мурманом, владеющим средством вернуть ей здоровье и красоту. Чахнет в одиночестве Абесалом; тоскует и Этери в хрустальном дворце Мурмана. Умирающий Абесалом проказывает визирию Мурману отправиться в далекую Индию за живой водой. Сам же, припад к ногам безумно любимой, обессиленный пережитой тоской, умирает. В руках решительной Этери кинжал. Она пронзает свое сердце.

Хор, которому в этой поэтичнейшей из опер отведено доминирующее место, горько сетует. Любящие сердца трагически соединились.

Дегенда имеет еще одно звено, не воплощенное композитором, но настолько прекрасное, что нельзя умолчать о нем, ибо в этом звене — синтез всего поэтического действия. Возвратившийся Мурман закапывает себя в могилу между Абесаломом и Этери, и вырастающей на его могиле терновник не дает сплестись цветущим растениям, тягущимся друг к другу за могил трагических любовников. Каким сила в этой легенде, какая правда непобедимого чувства человеческой любви!

Музыка Палиашвили живительна,

как струя волшебного водника. Это и есть та живая вода, которая заставляет зрителя верить в правду изображаемого художником. Все просто, все — от сказочно прекрасных народных мелодий Грузии, все блистает кристальной чистотой подлинного чувства.

Хор — главное действующее лицо. Вся опера — хорвое действие. Толкователь, жалобщик, вмешивающийся в трагедию хор грандиозен по своей мощи. Перлы народных мелодий непотворимы именно в его изложении.

Как труппа адала актеров! Образы шекспировской проникновенности и глубины, особенно образ страдающего Абесалом, подымаются артистом Алдуладзе на исключительную высоту.

Трогательно, обаятельно Сохаззе в роли Этери. Замечателен Агиранишвили (Мурман). Весь образ — целостный, высеченный из одного куска драгоценнейшего мрамора. Звонко, непосредственно поет Мариха артистка Харвадзе. Прекрасно исполняет арию Тахкруха Куженашвили.

Сказочно великолепны декорации художника-орденоносца Гамрекели. Отлична работа хормейстера Капульского и дирижера Миселадзе.

Слава театру, создавшему спектакль такого огромного, высокохудожественного звучания, как «Абесалом и Этери»!

Г. ПОЛЯНОВСКИЙ.